

Рецензия на книгу:

**Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков
Алтае-Саянского региона и Центральной Азии
(по материалам погребальных комплексов)
Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с.**

Рецензируемая монография барнаульского археолога Н. Н. Серегина представляет собой издание кандидатской диссертации автора «Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая. (2-я половина V – XI вв. н. э.): системный анализ и социальная интерпретация», защищенной в 2011 г. [Серегин, 2011]. В книге автором была учтена также и литература, вышедшая в течение следующих двух лет. За это время подробные результаты изысканий археолога опубликованы в ряде статей.

Хотя пишущий эти строки не является археологом, но и с позиции востоковеда должен отметить, что появление работы подобного плана – очень важное событие. Перед нами первая в историографии цельная попытка представить реконструкцию структуры древнетюркского общества на основе методов социальной археологии. Н. Н. Серегиным были обобщены данные по погребальной обрядности древнетюркского населения территории Саяно-Алтайского региона, т. е. Алтая, Тувы, Минусинской котловины. Надо отметить, что уже на ранних этапах исследования методика Н. Н. Серегина была высоко оценена авторитетными специалистами в области социальной археологии кочевнических обществ [Васютин, Дашковский, 2009. С. 277–278].

Автор монографии продолжает традиции археологической школы, сформировавшейся на базе Алтайского государственного университета, известной именами таких авторитетных специалистов, как Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, П. К. Дашковский и др. Н. Н. Серегин оперирует по отношению к объекту своего исследования понятием *тюркская культура* или *тюркская археологическая культура*, предложенным и разработанным в публикациях А. А. Тишкина и В. В. Горбунова для обозначения общности носителей определенного комплекса материальной культуры в эпоху господства на территории Саяно-Алтая каганатов, во главе которых стоял народ, именовавший себя *түрк* [Тишкин, 2007. С. 185]. Исходя из лингвистической трактовки термина, мы вполне можем применять понятие *древнетюркский* для конкретизации общности, о которой идет речь, указывая хронологические рамки VI–VIII вв.

В первой главе Н. Н. Серегин подробно рассматривает историографию изучения социальной структуры древнетюркского общества, отмечая основные крупнейшие работы на русском языке по древним тюркам VI–VIII вв., авторы которых основывались преимущественно на данных письменных источников. Особое внимание уделено работам археологов, так или иначе связанных с изучением социальной структуры населения Саяно-Алтая и в целом Центральной Азии эпохи Тюркского каганата VI–VIII вв. Отдельно обозначены некоторые специальные вопросы, вызывающие дискуссии, получившие разбор также в других частях работы (с. 7–14, 14–22, 65–66, 114–115, 120–121)¹. Среди общих исследований Н. Н. Серегин отмечает работы таких специалистов, как В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам, Л. Н. Гумилев, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, но ничего не говорит об исследованиях С. П. Толстова, при этом привлекает противоречивую и во многом компилятивную работу казахстанского исследователя Т. С. Жумаганбетова (с. 12 и др.).

---

¹ Здесь и далее указаны страницы рецензируемой работы.

Даже такой обзор, без учета работ по тематике социальной истории Тюркского каганата европейских, американских, японских и китайских ученых, тем не менее, дает понять, что возможности имеющегося на сегодняшний день фонда письменных источников, судя по всему, исчерпали себя. Разработка новых методик работы с материалом, скорее всего, может способствовать лишь уточнению отдельных моментов, но вряд ли существенно повлияет на интерпретацию в целом. Важную роль здесь может сыграть привлечение археологических материалов, даже, хотелось бы думать, в большей степени, чем это предположил Н. Н. Серегин, обративший внимание на низкую степень использования результатов археологических изысканий при исследовании социальной истории древних тюрок VI–VIII вв. (с. 28).

Источникам посвящена вторая глава книги, где, однако, автор отмечает, что его исследование само по себе осложняется тем, что известных погребений тюркского времени значительно меньше по сравнению, например, с кочевниками предыдущих эпох, и указывает, кроме того, на такие проблемы, как разграбленность ряда известных памятников и дискусионность датировки многих комплексов (с. 28–34). К сожалению, немногочисленность материала объективно не позволяет попытаться соотнести на основе анализа планиграфического расположения могильников конкретные локальные группы погребений с определенными таксономическими уровнями социальной иерархии для получения представлений о формах организации общества.

Третья глава целиком посвящена социальной структуре. На основе новых методик социальных реконструкций в археологии Н. Н. Серегиным была предпринята попытка анализа социальной структуры древних тюрок VI–VIII вв. путем выделения половозрастных и социальных показателей положения индивида в структуре общества. Как было указано исследователем еще в диссертации, материал погребений позволяет говорить не только об имущественной, но и профессиональной дифференциации населения, и выделить следующие социальные группы: военная и управленческая элита, профессиональные воины, свободные общинники, зависимое население, не имевшее права владения оружием [Серегин, 2011. С. 20], хотя, в действительности, все подобные построения в той или иной мере условны, что дает понять осторожный тон исследователя (с. 106–119). Вообще осторожность авторских суждений также является одним из несомненных достоинств работы.

По мнению Н. Н. Серегина, археологические материалы с территории Саяно-Алтая позволяют «предположить, что положение людей определялось, прежде всего, не возрастом, а имеющимися заслугами и происхождением», поскольку имеются погребения юношей с разнообразным и многочисленным сопроводительным инвентарем, но «основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины» [2010. С. 157]. Типологизация мужских погребений на основе возрастного признака привела автора к выводу о четырех ступенях социализации в древнетюркском обществе (с. 72–76). При этом археолог установил такой важный факт, как «отсутствие захоронений, демонстрирующих зависимое положение женщин в обществе кочевников» [2012. С. 66], и, что особо интересно, это высокий, судя по материалам раскопок, статус пожилых женщин (с. 74, 76). Отсутствие сопроводительного захоронения коня в погребениях *тюркской культуры*, по крайней мере, на территории Саяно-Алтая и Тувы может рассматриваться как показатель низкого социального статуса погребенного, в иных случаях это может быть этнокультурным маркером (с. 44–45, 79).

Н. Н. Серегин также выявил, что основным маркером социальной дифференциации погребенных являлись не размеры и устройство погребального сооружения или количество лошадей, положенных в погребение, определяющую роль играет комплекс сопроводительного инвентаря, при этом «основными являются следующие факторы: 1) материальная ценность предметов; 2) символическая значимость вещей; 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок; 4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье (“престижная” экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.)» (с. 79–80).

Последняя, четвертая, глава посвящена дискуссионным вопросам, связанным с особенностями социальной организации древних тюрок VI–VIII вв. Исходя из соотношения, прежде всего, предметов, формирующих «комплекс власти» (в основном предметы вооружения) и «комплекс богатства» (предметы тюркской культуры из цветных и драгоценных металлов),

Н. Н. Серегин сумел выделить на основе мужских погребений три социально-типологические модели погребений «элиты» тюркского времени на Алтае, отличающиеся количеством похороненных в могилу предметов и сопровождающих умершего лошадей, а также размерами надкурганых сооружений (с. 121–122). По мнению археолога, результаты анализа погребений позволяют говорить о существовании у тюрков, кроме военной элиты, чисто профессиональных воинов, командующих подразделениями, «разветвленного аппарата “чиновников”, деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом». Прежде всего, о разграничении этих групп говорит соотношение в отдельных погребениях друг с другом предметов, принадлежащих соответственно к «комплексу власти» и «комплексу богатства» (с. 124). При этом Н. Н. Серегин не исключает возможности и иной интерпретации этих отличий – как указания на существование так называемой «двойной элиты», т. е. этносоциальной иерархии, когда наряду с представителями тюркской знати имело место существование местной элиты, не принадлежавшей к тюркам, но выполнявшей на местах определенные административные функции. Это им могли принадлежать комплексы с меньшим количеством предметов вооружения (с. 124).

Важность археологических источников для социальной истории, в том числе и древних тюрков, как показывает автор, определяется также тем, что они в значительной степени позволяют проследить динамику социогенеза тюрков, в то время как, например, китайские письменные источники отражают в основном аспекты, связанные с внешней политикой тюрков, а рунические надписи рассказывают лишь о «довольно коротком периоде существования Второго Восточно-тюркского каганата» (с. 128).

Особого внимания заслуживает следующее наблюдение автора. Кратко суммируя археологические данные по территории Алтая второй половины IV – первой половины VI в., Н. Н. Серегин отметил, что население региона претюркского времени при высоком уровне милитаризации характеризовалось значительной степенью варибельности характеристик погребальной практики, а это, по мнению С. С. Матренина, специально исследовавшего социальную структуру населения региона на основе памятников *булан-кобинской культуры* (диссертация 2005 г.), могло отражать существование среди него ряда разобщенных, неконсолидированных локальных групп. К середине VI в. сохранялся невысокий уровень социальной дифференциации, но при этом происходило увеличение доли военизированных элементов в погребальной практике (с. 130–132).

Интересна гипотеза Н. Н. Серегина, объясняющая незначительные отличия в размерах погребальных сооружений элиты и рядовых кочевников тюркского времени, по сравнению с предыдущими эпохами, когда размер кургана также служил четким социальным маркером погребенного. Н. Н. Серегин, развивая мнение С. С. Матренина и А. А. Тишкина, связавших тенденцию постепенного уменьшения у кочевников региона трудозатрат к «гунно-сарматскому» времени (*булан-кобинская культура*) на возведение погребальных комплексов знати с изменениями в социально-экономической ситуации и религиозно-мифологических воззрениях кочевников, а также с низким уровнем их консолидации и зависимостью от кочевников Центральной Азии, предположил, что в тюркское время в связи, прежде всего, с консолидацией кочевников региона последовало усложнение социальной структуры и политической организации в целом, отразившееся в сокращении разрыва между различными уровнями элиты, появлении разветвленного аппарата управления, что также повлекло увеличение численности представителей привилегированных слоев и, в отдельных случаях, даже к «перепроизводству политической элиты» (с. 124–125).

Таким образом, Н. Н. Серегин попытался показать, что зафиксированные археологически качественные изменения в характере социальной структуры и общественной организации кочевников региона, хронологически вписывающиеся в ранние периоды существования здесь *тюркской археологической культуры*, могут вполне также быть увязаны с данными письменных источников о начальных этапах политической истории Тюркского каганата (с. 132–135).

К книге прилагается список погребальных комплексов *тюркской культуры* Саяно-Алтайского региона, содержащий краткую справочную информацию о них (с. 186–204).

Следует, однако, отметить, что работа освещает вопросы именно социальной структуры, исследование которой подразумевает выделение критериев социальной дифференциации

и принципов стратификации, установление соотношения различных срезов структуры общества (приближенность индивида к институтам власти, имущественная, половозрастная, профессиональная, этнокультурная стратификация и т. д.) и механизмов социальной мобильности, выявление социальных категорий и их границ, анализ форм взаимоотношений между этими категориями и внутри них, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Но менее всего монография, вопреки своему названию, касается проблем социальной организации как таковой – форм объединения индивидов, в рамках которых реализовывалась кооперация в хозяйственной и политической жизни древнетюркского общества на различных уровнях. Исследование социальной организации в таком понимании, однако, затруднено, поскольку, как отметил сам автор, археологического материала для этого недостаточно (с. 32, 33).

Вся же критика монографии с позиции человека, работающего больше с письменными источниками, свелась бы к нескольким совершенно незначительным замечаниям библиографического характера. Нет необходимости касаться некоторых моментов, связанных с привлечением данных письменных источников, спорность которых заключается лишь в том, что автор использовал их в переводах и без должной критики. Но ведь это и не входило в его задачи, а осторожность заключений, сделанных даже на основе этих данных, совершенно не дает оснований для каких-либо упреков в адрес автора.

В заключение остается сказать, что рецензируемая монография представляет результаты важного и нужного исследования, заполняющего существовавший пробел в историографии социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. Исследователи древнетюркского общества, как мы полагаем, должны встретить ее с благодарностью.

Список литературы

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 400 с.

Серегин Н. Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2010. № 3 (15). С. 151–159.

Серегин Н. Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в. н. э.): системный анализ и социальная интерпретация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. 24 с.

Серегин Н. Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 61–69.

Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 356 с.

В. В. Тишкин

аспирант отдела истории Востока
Института востоковедения РАН
tihij-511@mail.ru